



**XXII Всемирный философский
конгресс (Сеул, 2008)**



ДАРЫ ВОСТОКА – АРШИН РОССИЙСКИЙ

М.А. ПРОНИН

За каким благом едете?

Гость и хозяин — фигуры сакральные в пространстве жизни.

Согласно народным верованиям, гость приносит семь благ: шесть из них оставляет хозяину, а одно забирает с собой.

Летом 2008 г. мне посчастливилось — и, оглядываясь назад, могу подтвердить, что это действительно так! — побывать в Южной Корее на XXII Всемирном философском конгрессе (здесь и далее я, говоря о Корее, буду иметь в виду только Южную), а по его окончании принять участие в культурно-просветительской акции Российского философского общества (РФО) — быть пассажиром и участником философского поезда, что проехал с научными остановками по нашей стране с Дальнего Востока до Москвы. Участники конгресса встречались с коллегами на научно-практических конференциях во Владивостоке, Хабаровске, Чите, Улан-Удэ, Красноярске, Иркутске (с заездом на Байкал), Новосибирске, Екатеринбурге и Казани.

О тех благах, что я привез из трехнедельной поездки по Корее и по России, постараюсь коротко, но ничего не упуская, насколько это возможно, рассказать: путешествие позволило оформить и сформулировать некоторые выводы из моих давних наблюдений и размышлений о наших российских реалиях. Подчеркну, что то, чем я собираюсь с вами поделиться, скорее сложилось само собой или даже «открылось», а не логически, рационально выстраивалось. Если бы поездки не было, не случилось бы и «откровения». Поэтому, извините, мизансцена, фон, подробности — это не мелочи, а фактура, из которой вдруг возник рельеф понимания. И чтобы мнение мое не повисло в воздухе, постараюсь представить вам почву, позволившую ему возникнуть.

Итак, это был уже мой второй философский конгресс и вторая масштабная общественно-философская акция, в которой я принял участие: в 2003 г. члены РФО «ходили» на символическом Философском пароходе в Стамбул на предыдущий всемирный конгресс. Поэтому, не без труда, но я для себя уже открыл некоторые тонкости того, как и что спрашивать у коллег об их ожиданиях от участия в мероприятиях подобного уровня, как справляться о том, с чем они возвращаются обратно.

Участие в масштабных мероприятиях — многомерное событие в жизни ученого и многоплановая задача при ее планировании. У нее есть организационная, формальная, содержательная, культурная, деловая и чисто человеческие составляющие. Это то, что поддается рациональному прогнозированию и планированию.

Мое глубокое убеждение: человеческий посыл в любом деле должен быть глубже, сильнее и шире профессионального. Поэтому иррациональным компонентом такого путешествия выступают некоторые «чудеса» — блага, — которые ты неожиданно обретаешь в пути. Но к их нечаянному обретению тоже можно рационально подготовиться. Способ подготовки прост.

Реализация и усиление своего человеческого потенциала не только на подобного рода мероприятиях, но и в жизни невозможна, если у вас нет вопроса, на который вы «ловите»: это как на рыбалке — если у вас нет крючка и наживки — на что ловить, то вы ничего и не поймаете.

В разговорах на пути в Сеул, интересуясь судьбой философа в современном беспокойном мире — в России и за рубежом — естественно, сама собой возникла тема: как им — «их» философам, там, «у них», в отличие от нас, живется и почему. Один из коллег — профессор Владимир Пржиленский (Ставрополь) — высказал мысль, что «американские философы, в отличие от нас, участвуют в создании богатства страны». Идея показалась мне плодотворной и я задался вопросом: а как с данной установкой обстоят дела в Корее? Хотя, скорее его слова позволили облечь тему и вопросы о «судьбе философа» в конкретную форму.

Так возникла конкретная человеческая «оснастка», ключевой вопрос, с помощью которого я начал смотреть на свою поездку в Сеул, а затем и по стране.

Ключевой вопрос обладает очень интересными свойствами: это такой вопрос, над которым можно размышлять годами, не находя и находя на него ответы. Именно он ведет человека по жизни, в профессии, предопределяя выборы и траекторию его «бытийствования». Его жизненную экзистенцию. Проявление его сокровенного.

Печально, если вопрос этот человеком не осознается. Но, если знаешь на что «ловишь», результаты часто превосходят и ожидания, и планы, и предположения. В общем-то, все просто: люди растут в направлении тех вопросов, которые они задают. Скорее даже так: в направлении тех вопросов, которыми они задаются.

Поэтому не стоит подробности и бытовые мелочи, в которые мы сейчас погрузимся, рассматривать как лишние, второстепенные и не имеющие отношения к делу.

Что в Корее хорошо и что в Корее плохо?

Не мною и давно замечено, что гости приезжают ненадолго, но видят очень многое!

Эта часть моего рассказа — не ложка дегтя в корейскую бочку меда и гостеприимства. Корейские коллеги к конгрессу готовились, но без накладок не обошлось (должен еще раз сказать об отсутствии в начале конгресса синхронного перевода на русский язык — на один из официальных языков всемирных философских конгрессов). Мне было интересно наблюдать не за тем «плохим», что неизбежно возникает во время подобного рода событий, а за тем, как и что корейцы делают с накладками, с несостыковками. Мой короткий рассказ — об этом аспекте «ложки дегтя».

История конгрессов насчитывает уже добрую сотню лет, но это был первый философский конгресс, что состоялся в Азии! Хотя и сей сюжет не без коллизий.

Предыдущий, о чем я уже обмолвился, проходил в Стамбуле, в Турции. Последняя, как известно — Евро-Азиатская страна, причем, большая ее часть находится в Азии. Тем не менее, конгресс проходил в европейской части Стамбула, на европейском берегу Босфора. Эту «географическую тонкость» корейцы отмечали неоднократно, подчеркивая тот факт, что сеульский конгресс — первый, что проходит в Азии.

Соответствующая статистика, думаю, будет представлена сполна и, как я вижу по публикациям в Вестнике Российского философского общества и других философских изданиях, она уже дается коллегами-участниками.

Очевидно, что человеку, что-то делающему в первый раз, многое простительно. Метафизика же первенства состоит в том, что того, «что простительно», того, что мы пытаемся оправдать «первым разом», история никогда не прощает. Спустя некоторое время произошедшее становится де-факто стандартом, относительно которого ведется отсчет всех последующих улучшений, все просчеты первого становятся видны, их никто, никогда не забывает.

Так вот. Корейцы — надо отдать им должное! — постоянно, до последнего дня и минуты (!) работы конгресса вносили качественные улучшения в процесс, если говорить языком менеджмента, и привносили дополнительные ценности — такие, каких от них уже никто и не ждал. Иными словами, они постоянно двигались от ожидаемого — функционального, к неожиданному — к чуду!

Отдаю себе отчет в том, что часть коллег этого не заметила, не обратила внимания: обмен мнениями в философском поезде, а о нем ниже, меня в этом убедил. Потому-то и пишу столь подробно.

Разве не чудо то, что конгресс закончился выступлением хора студентов-волонтеров (как мне показалось, на сцене стояли человек двести)? Кто ждал такого?

Согласитесь, нетривиальна и управленческая постановка задачи — на фоне выполнения «функционала» сделать еще и «художественную» часть. Причем нагрузки и занятость для волонтеров были очень высокими: с самого раннего утра — с регистрации, начинающей работать за час до начала конгресса, и до глубокой ночи — на сопровождении вечерних приемов и на развозе всех участников по гостиницам.

Итак, система менеджмента во время конгресса эволюционировала на глазах. Причем каждый раз изменения затрагивали всю систему работы с «плохим»: она вся качественно менялась, менялась принципиально — эволюционировало организационное решение проблем.

В первые дни на все проблемы «бросали людей» — волонтеров-студентов (их, кстати, надо было заранее со всей Кореи отобрать, собрать, расселить, подготовить и пр.). Причем все ими делалось с непередаваемой корейской открытостью и вовлеченностью в процесс оказания помощи — восточное гостеприимство в действии (*гамсахамнида* — корейское спасибо, не сомневаюсь, многие запомнили на всю жизнь).

На третий день вездесущие волонтеры неожиданно куда-то исчезли. Но... появились информационные стенды с описанием времени и места отправления автобусов и все прочей необходимой информацией.

Волонтеры же начали распространять книжку с дополнением к сборнику тезисов. В первый день выяснилось, что были «потеряны» тезисы участников с фамилиями, начинающимися на букву «К», и частично на «Л» и «М» (к слову, я себя не нашел на букву «П» — Пронин, но обнаружил на букву «М» — Михаил, — к зависти коллег с фамилиями, начинающимися на букву моего имени). Но вся трагикомичность ситуации оказалась в том, что чуть ли не каждый второй в Корее носит фамилию Ким: из основного сборника выпали почти все корейские участники!

Ситуация знакомая — аналогичная проблема была и на конгрессе в Стамбуле (а, со слов «старожилов-ветеранов», и на предыдущих конгрессах), но дополнительного турецкого сборника, насколько я знаю, российские коллеги так и не дождались. Здесь же все было сделано в два дня.

Затем появились диски с записями национальной корейской музыки и с информационными фильмами о Корее, оформленные на корейском, русском, английском, китайском и арабском языках.

Отдельная история с организацией синхронного перевода пленарных заседаний на русский язык (огромную и исключительную роль в решении этого принципиального вопроса сыграл А.Н. Чумаков - вице-президент РФО). Мало того, что перевод был организован — правда, переводил наш участник Николай Бирюков — отдельное ему спасибо! Корейская сторона посчитала необходимым и провела торжественный вечерний прием российских участников в одном из лучших ресторанов и отелей Сеула. Инцидент, что называется, был полностью исчерпан.

Так что дело не в «ложке дегтя», а в том, что делали с недоработками и несостыковками организаторы конгресса и как.

По всему в поведении корейцев было видно, что для них конгресс — наисерьезнейшее и наиважнейшее государственное, научное, общественное и культурное мероприятие. Откуда такое отношение и государства и общественности? — думал я, сравнивая с последним Всероссийским конгрессом в Москве.

Зачем Корее философия?

Участвуют ли корейские философы в создании богатства своей страны, в построении будущего своей нации? И если да, то как? И вообще, зачем Корее философия?

Эти вопросы я имел возможность задать «руководителям» корейской философии — председателю программного комитета конгресса, его заместителям, руководству корейского философского общества и другим уважаемым коллегам.

Спрашивал я вместе с российскими коллегами — Аврора Пружина, ответственный секретарь журнала «Философские науки», выступила инициатором таких встреч и интервью (см. журнал «Философские науки», № 1 за 2009 год). Естественно, что задавались и более очевидные и традиционные вопросы.

Реакция на вопросы была не менее важной, чем сами ответы. Она была очень человеческой и открытой. Было видно, что собеседникам самим интересно отвечать на эти вопросы. Не менее живой интерес вызывали ответы корейских философов у моих российских коллег, с которыми я делился услышанным во время поездки в философском поезде.

Что же отвечали корейские коллеги-философы?

Ответы я представляю в двух частях, вторая — с неожиданным (чудесным) для меня российским продолжением.

— Мы занимаемся вестернизацией страны, — отвечали корейцы, — со времен Второй мировой войны мы внедряем западные технологии, к нам приходит западный образ жизни, западная культура. Все это приводит к тому, что наша страна меняется, меняются и люди, но нам важно сохранить свою самобытность и са-

моидентичность в меняющемся мире. Самоосознание и самоидентичность — это вопрос философский. Нам важно и сохранить традиционное, и внедрить, освоить новое. Для этого нам нужна философия.

— Практика внедрения западных технологий показала, что их освоение невозможно без знания культурного контекста, системы ценностей и установок людей, такие технологии создающих. Невозможно применять идеи и технологии, не понимая того, что за ними стоит. А это тоже философские проблемы, вопросы и задачи.

— И, наконец, обсуждая с руководством страны и бизнесом сам факт проведения в Сеуле Всемирного философского конгресса мы вдруг обнаружили еще одну очень важную функцию философии, ее предназначение...

И когда мы это главное практическое предназначение философии поняли (мы — это и философы, и правительство, и бизнес, и общественность, и средства массовой информации), проведение конгресса было поддержано на самом высоком уровне.

Почти цитирую: «...на всех уровнях: конгресс был поддержан на государственном, политическом уровне (на открытие прибыл Премьер-министр); на культурном уровне (описание культурной, концертной, программы конгресса заслуживает отдельного внимания). Конгресс был поддержан на финансовом уровне, был поддержан организационно. Поддержана наука и философия — практически все философы, кафедры философии университетов Кореи могли принять участие в конгрессе».

Вот тут все встало на свои места: и вопрос с неожиданно «прошенными» нам 15-ю долларами (историю эту я опустил — расскажу при встрече, если интересно будет), и с бесплатным банкетом на приеме у Мэра Сеула, и прекрасные концерты при открытии и на торжественном приеме в Мэрии, и шикарный вечерний прием ректора Сеульского университета на университетской лужайке, и прашальная вечеринка, и пр.

Но был и еще один ответ в форме дружеского ответного вопроса, о котором, как и о главном «открытии» корейцев о роли философии в успехе их страны скажу ниже.

С этими благами я и поехал по России, возвращаясь в Москву философским поездом.

Поездка в поезде — отдельная тема для рассказа и философского осмысления.

Пока же забежим немного вперед: история разговоров о значении философии имела совершенно неожиданное продолжение в Москве.

Какую философию Правительство России предлагает молодежи?

По приезде домой я имел возможность задать «ключевой» вопрос помощнику президента Российской Федерации по экономическим вопросам Дворковичу Аркадию Владимировичу во время его выступления и встречи со студентами Международного университета (в Москве).

Такие ВИП-встречи в университете – традиционные, они открыты, их, как правило, ведет сам ректор – Сергей Николаевич Красавченко. На встречи часто приходят журналисты, и наши, и зарубежные.

Началось общение с опоздания – помощники люди занятые. Вопросов было много: о курсе рубля, о стабилизационном фонде, о ситуации в экономике, о США как о виновнике кризиса, о прогнозах – обо всех очевидных и часто обсуждаемых в прессе и на телевидении вопросах, связанных с важностью экономики для жизни страны и с мировым экономическим кризисом.

Возможность задать последний вопрос досталась мне. Я предстал и сказал:

– Аркадий Владимирович, мы встречаемся в преддверии приезда в Москву Президента Южной Кореи (дело было в конце сентября 2008 г.), готовятся к подписанию целый ряд соглашений и договоров между Россией и Южной Кореей в области финансов, инвестиций, науки и промышленности.

– Да, это произойдет буквально на следующей неделе, – подтвердил А. Дворкович.

– Так вот, я только что вернулся из Южной Кореи, с Всемирного философского конгресса, где имел возможность поговорить с ведущими корейскими философами и задать им один вопрос – зачем Корее философия? Участвуют ли корейские философы в создании богатства страны, определяют ли будущее нации? На что получил ответ. И этот ответ хочу переадресовать вам в качестве вопроса.

– Да, давайте.

– Они мне ответили следующее. При подготовке к конгрессу мы поняли самое главное: что за последние пять десятков лет мы сменили несколько типов экономик. А это значит, что экономика страны сегодня в современном мире ничего не значит, раз ее приходится регулярно менять.

Тут я сделал паузу... Тишина в зале повисла гробовая.

– А чтобы ее менять, надо исходить не из существующих, текущих обстоятельств, а смотреть на мир и на самих себя с точки зрения будущего, с более высокого горизонта. И такой горизонт, несомненно, – мировоззренческий, философский. Это сегодня

поняло правительство Кореи, это понял корейский бизнес, это поняли деятели культуры, поняло простое население, это поняли и мы — корейские философы. (Это тот тезис — ответ, — о котором я выше умолчал.)

Аркадий Владимирович, практически все вопросы, что вам здесь задавали студенты, журналисты, коллеги — касаются будущего.

— Скажите, какую философию и идеологию сегодня российская власть, правительство предлагает молодежи? Какое мировоззрение обеспечит молодежи успех в жизни?

Мои последние слова висели уже в звнящей тишине. (Ответ все же был. Но философский — в обывательском понимании последней.)

После встречи я накоротке переговорил с коллегами из университета, хотел узнать их мнение об ответе помощника президента. К слову, даже вопросы об этом задавать не пришлось, сами подходили и высказывали свое мнение.

— Михаил Анатольевич, ну что вы сами не видите что ли? Культурные люди там (в правительстве. — *М. П.*), правильные слова знают, правильно говорят, — но это все пустое или все по отдельности: как мухи и котлеты. Не видят и не понимают они этого...

Кто-то из вас может заметить, что этот вопрос надо задавать не А. Дворковичу, а В. Суркову. Иные скажут, что он экономист, а не философ и пр.

Замечу только: «Он — государственный деятель! А в работе любого руководителя — и тем более государственного деятеля — человеческий посыл должен быть шире, глубже и сильнее профессионального. А это — задача философии».

Ну что ж — не понимают! Но мы-то, философы, — должны понимать, отдавать себе отчет в том, чего они не понимают и почему.

И в Корею до конгресса этого тоже не понимали, не осознавали. Кстати, ни власти, ни философы!

А что они осознавали из того, чего они не понимали? Оказывается, это непонимание касается и нас — россиян. (Сложно сформулировал? Немного терпения.)

Чего про нас — про россиян — не понимают в Корею?

Уже очевидно, что разговоры у нас в Корею были открытыми: мы задавали серьезные, не простые вопросы, но и нам тоже в ответ «досталось». Думаю, что надо рассказать про «шпильку», которую мне вставили корейские коллеги в плане дружеского ответа вопросом на вопрос.

— Да, Михаил, экономика для государства важна, как тело — для человека. Но тело не может управлять духом, не может управлять человеком. Работа с духом традиционно была прерогативой религии. Но религия в таком практическом деле, когда речь идет об эко-

номике, о создании будущего страны — не очень хороший помощник. Воля и дух государства, нации — это философская задача...

— Посмотрите, какая у вас Россия большая, какое большое тело... и какая у вас экономика. И посмотрите на Гонконг: какое маленькое тело, а какой дух, какая у Гонконга экономика! Почему такая разница между вами — Россией и Гонконгом? Что вам мешает развиваться такими же темпами? Вот этого мы в Корее не можем понять.

Ну что, коллеги, не находите, что это очень хороший вопрос нам со стороны корейских философов? В каком измерении лежит ответ на него?

Чем померить Россию?

— Мы, корейцы, с вами, русскими, очень похожи!

Услышав такое по приезду в Корею, я, честно говоря, немного опешил.

Как опешил и Вадим Недорезов — мой коллега-попутчик по незабываемому путешествию, когда, разговаривая во время конгресса с одним корейским философом, он стал объяснять тому, где в России расположен его родной город. Полагая, что в Корее скорее знают Новосибирск, начал откладывать маршрут от него. Новосибирск, на поверку, не знали.

— А, Оренбург! Конечно же знаю! — отозвался с искренней радостью корейский философ.

— Откуда?

— Ну, как же: Пушкин! «Капитанская дочка»!

Историю эту я с десятков раз с большим удовольствием слушал в короткие минуты отдыха от боевых дискуссий на редких философских привалах во время поездки.

...Так что, присмотревшись и пообщавшись с коллегами, убедился в правоте корейцев. Так в чем наша с ними похожесть?

Похожесть — в инвариантности некоторых антропологических констант, похожесть — в подобии операторов, структурирующих бытие. Речь идет не о глобальных категориях: идеальное — материальное, сущность — явление и т.д., а об антропологических — простых человеческих измерениях. Но так ли уж они просты — эти человеческие измерения?

Конкретное психофизиологическое наполнение ощущения масштабов страны после философского поезда, — один из главных антропологических результатов поездки. Для меня.

Как-то на круглом столе в одном «высоком собрании» я поделился таким результатом. Первые реакции участников были не самые «благосклонные», если скромно опустить некоторые прозвучавшие тогда мнения: для многих такой результат — пустые слова.

Вопрос, тема, проблема такого антропологического измерения — не проста, и на мой взгляд, заслуживает внимания и пристального рассмотрения.

При том, что такое измерение нельзя оставить на уровне метафоры, свести к измерению «самим собой», его недостаточно отослать к проблематике «человекомерности», «человекоразмерности» или антропоморфизма пространства и времен, человеческого бытия, и даже, если указать на успехи в решении многих теоретических и методологических вопросов комплексных проблем изучения человека, такое измерение даже на уровне метафоры обладает большой эвристической силой, выступая антропологическим оператором, конструктом, структурирующим время, создающим одухотворенный ландшафт в пространстве, конструктом, вычленившим витальность из природного и вещного бытия человека. Конструктом, требующим фиксации, понятийного раскрытия и философского осмысления.

Для иллюстрации расскажу об одной встрече, о человеческой беседе, о человеческом измерении. Как-то в умирающей деревеньке, всего в верстах трехстах пятидесяти от Москвы, я разговорился с местной старушкой. Сидели мы в ее дворишке на завалинке.

— До войны наша деревня веселая была, — сказала она с ностальгической ноткой в голосе.

— Бабуль, а что значит веселая? — уточнил я.

— О-оо, мии-лаай, — четыре гармониста на деревне было! — ответила та нараспев, поведя головой и давая понять, что нынче не то, что давеча.

— Ну и что? Что тут веселого?

— Как, что? Выйдешь, бывало, в праздник за калитку — и не знаешь куда идти! Со всех сторон играют!.. А сейчас все по домам телевизоры смотрят, да и гармонистов нет.

Измерение деревни «гармошками» было для меня открытием!

Домами, дворами, числом жителей, поголовьем коров или лошадей, церквями — при наличии уже село, — школой, медпунктом, клубом, маслозаводом — привычно. Как общеизвестны и базовые показатели оценки человеческого потенциала страны. А чем простой человек измеряет витальность пространства?

Вот об этом «общероссийском» аршине я и собираюсь немного рассказать и поразмышлять.

Так вот. Общеизвестно, что в деревне все знают всех. Мой отец, хоть и ездит в деревню уже более сорока лет, считается «дачником». Правда, как говорят некоторые «ключевые» жители, он единственный из дачников, которого мы уважаем.

Первый двухэтажный дом, что построен в деревне — у отца. Деревянный брус, двадцатка.

Николай, местный житель — потомственный кулак и при советской власти, и сегодня — поставил себе двухэтажный кирпичный... гараж.

— Николай, а зачем тебе гараж со вторым этажом? — спрашиваю я у него.

— Да летом иногда хожу на второй этаж спать, если поздно приезжаю, — отвечает он.

— Слушай, у тебя — дом, у жены, у отца — дом, один он в нем живет, мать твоя одна в доме живет — и все дома — огород к огороду. Зачем в гараже спать?

Молчит.

Другая задача — все должны видеть, что он хозяин — не хуже москвичей: у него тоже есть два этажа!

Деревня российская развивается через подражание, через «обезьянничанье» в хорошем смысле этого слова. Построит кто-нибудь летнюю кухню — постепенно все начинают кухнями обзаводиться. Поставит кто-то баню во дворе — все друг за другом ставят.

В советское время в Белоруссии так деревни «обновляли»: ставили новые дома на въезде и на выезде из деревни. Постепенно вся деревня начинала строиться. «Строиться» — это слово такое, означающее то, что имярек строит себе новое жилье.

Самое страшное в деревне — быть первым и последним. Первым — жена одернет: «Сиди, дурачина, простофиля, куда лезешь!» Последним — опять же жена: «Чего сидишь, у всех уже есть и нам бы давно пора!»

Скажите — на то она и деревня! Ну-ну. И я так думал, пока в Философском поезде по стране не проехал.

Россия без дураков?

«Что город, то норы, что деревня, то обычаи» — пословица известная. Но на поверку же оказалось, что все одним миром мазаны. Поездка в Философском поезде позволила это явственно увидеть.

И не мне одному стали доступны подобные выводы и широкие обобщения.

Так, общаясь с коллегами и обсуждая результаты поездки, я услышал такое мнение или, если хотите, даже заключение: «Мне удалось увидеть прошлое, будущее и настоящее России. Прошлое наше — это Новосибирск, наше настоящее — Красноярск, а наше будущее — это Сеул». Не находите, что это тоже антропологическое измерение? Так что в будущем мы точно на корейцев будем похожи! А с учетом азиатского фактора в современном мире и нашего южного соседа — Китая — прогноз, имеющий под собой и биологическую подоплеку.

Кстати, про простые вещи. Черный хлеб — ржаной — на всем пути от Владивостока до Москвы (включительно!) в «общепите» подали лишь в Красноярске! Куда уж проще — мука, вода, огонь, дрожжи, соль и... человек. Простого черного ржаного хлеба сегодня в России нет. Дураков мало нормальный хлеб печь, как и картошку правильно сажать (еще одна история для разговора при личной встрече). Нормального пломбира, советского, днем с огнем не сыщешь! В Москве в особенности. Если раньше в Москву везли лучшее, то теперь всякое: Москва — она все съест!

Кстати, специально разговаривал о мороженом с генеральным директором союза мороженщиков России, кандидатом философских наук (!) В.Н. Елховым; по их проверкам до 50 % мороженого в Москве мороженым как таковым не является! (У них есть сайт, вестник — можете посмотреть, где в России еще мастера с совестью и руками остались).

Такие вот времена. Ни картошку сажать как надо, ни мороженое делать по совести — дураков нет.

Но мы отвлеклись на риторическое — едем дальше.

А что у вас можно посмотреть?

Что у вас можно (нужно) посмотреть? — вопрос очевидный, когда приезжаешь в новое место. Часто и спрашивать не надо — гостеприимные хозяева сами предложат, ответут, покажут, похвалятся. Благо, что в стране есть что показать, есть чем похвалиться.

Во Владивостоке нас сводили к восстановленной триумфальной арке, посвященной приезду в город наследника Российского престола, будущего Императора Николая II. Восстановленная арка, установленная по тому же поводу, «неожиданно» порадовала нас и в Улан-Удэ. Когда я отвечал, что и во Владивостоке по аналогичному поводу поставленную арку восстановили, многие местные жители удивлялись, считая, что лишь они одни «передовики».

История города Хабаровска во многом похожа на истории окружающих его городов-соседей. Сам Ерофей Павлович Хабаров в Хабаровске никогда не был, но памятник ему стоит на привокзальной площади, правда, чем-то он напоминает Тараса Шевченко. Но, может, просто злые языки.

Показали нам памятник и настоящему основателю города — взводному отряда Е.П. Хабарова, который, по его приказу, поставил в этом месте казачий острог. Прекрасной лепки лицо основателя легко узнается в бронзе, хотя его прижизненных портретов не сохранилось.

Подобная история с памятником основателю города повторилась по ходу движения поезда еще раз. Его установка была представлена местными властями как завоевание нового времени.

Ерничая, поинтересовался портретом — с кого, мол, лепили, — не с того ли, что и в Хабаровске? Надулись. Но отшутились: «А памятник-то все равно должен быть!» Да кто бы был против! Портрета нет, но ваять-то памятник надо!

В Иркутске монументальность памятника Александру III поражает. Настоящий человек — махина! — на настоящем месте: на берегу мощной и красивой сибирской реки. (Как и восстановленный памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому в Хабаровске.) И ничем не хуже арки.

И историю страны в Иркутске понимают правильно — из песни слов не выкинешь: памятник А.В. Колчаку поставили. И советские сохранили.

Но и Красноярск не лыком шит: напротив городского культурного центра — еще в советских планах здание предназначалось под музей В.И. Ленина — стоит пароходик «Св. Николай», на котором Ильич в ссылку ходил. Каюта там его, мемориальная, а рядом каюта-музей будущего императора Николая II, который на сем пароходике в свое время осматривал достопримечательности. Местные краеведы шепотом намекнули — возможно, каюты перепутали! А может и пошутили... Да кто его знает.

Скажите — чего это он — я себя имею в виду — анекдоты рассказывает! Баек насобирал и за философию выдает!

Извините, но анекдот еще впереди, как и задачка с пальмами. А пишу для того, чтобы мой вывод о современном менталитете России не показался голословным и умозрительным. И чтобы история про второй этаж в гараже не просто так была рассказана.

Так вот. Городская скульптура — еще оно измерение.

— А у нас в Иркутске есть памятник сантехнику!

Так и хочется продолжить за спрашивающим: «А у вас?»

И в другом городе он тоже есть, что мы по дороге проезжали! И в Омске, который мы не проезжали, он, оказывается, есть тоже! Ну что добавить к этому: «А у нас в Москве — дворнику в виде Ю.М. Лужкова!»

Памятники сантехникам по городам и весям страны — современный российский анекдот: в провинции — малых форм, а в Москве — столичных! Так что московские «баталии» вокруг Петра — всего лишь вершина общероссийского айсберга! История установок памятника А.В. Колчаку в Иркутске — того же поля ягода.

Но самое сильное проявление нового — это, несомненно, Красноярск! Как съездит мэр за море, так новое веяние: городская скульптура, и фонтаны, и «Биг Бэн» (часы, такие же, как на той самой лондонской башне, на здание красноярской мэрии водрузили). Поначалу горожане опешили, потом стали подсмеиваться над мэром, а теперь гордятся! Есть же что показывать и о чем рассказывать!

Ну, вот, теперь и задачка про пальмы.

Несколько лет назад мэр Красноярска решил летом выстав-
лять на бульварах города пальмы в кадках — настоящие, большие
пальмы. Говаривают, что он такой фокус в Стамбуле приметил, а
может еще где. И сегодня пальмы стоят! И красиво стоят.

Но пальмы после первого года погибли. Вопрос задачка: от
чего? От чего в Сибири пальмы могут погибнуть?

Думаете, от мороза? Неправильно!

Вообще проблема инноваций или нововведений характери-
зуется тем, что возникает новое пространство, в котором начинают
действовать другие законы, в котором наши старые представле-
ния не работают. Невозможно просчитать «по полноте» все воз-
можные исходы и события, опираясь на старые представления и
опыт — последний, надеюсь, это очевидно — в новом деле отсут-
ствует! Понимание своей неадекватности инновации, в против-
ном случае это не инновация, — ключевой фактор успеха в деле
нововведений!

А теперь правильный ответ.

Пальмы погибли от... жары! Сгорели на солнце! Климат резко
континентальный, сухой, летом не хватает влажности! А полив не
обеспечили должный.

Теперь с пальмами все нормально! Как и с водной стихией в
городе. Спросите, а разве были проблемы? Чай, Красноярск на
Енисее стоит!

Были. Самое интересное, что в Красноярске, оказывается,
нет реки.

Енисей есть, а реки в жизни горожан — нет.

Перед городом плотина. Вода идет из нижних слоев, зимой и
летом одной температуры и одного цвета, никогда не прогрева-
ется: ни покупаться, ни отдохнуть на воде, и никогда не замер-
зает: ни на льду на коньках покататься, ни подледным ловом за-
няться!

Хотя есть исключения. Члены Философского клуба Красно-
ярска после заседания в Философской бане (есть и такие бани в
России!) в Енисее остужают философский дискурс. Говорят, что
мысль сразу же выстраивается. Но как вы понимаете, философ —
сущность редкая, не массовая.

Сегодня фонтаны, которых в городе сегодня очень много, при-
внесли воду в жизнь красноярцев. Более того, Фонтан сибирских
рек — могучий Енисей, принимающий красавицу Ангару, с фигу-
рами прекрасных женщин, олицетворяющих его притоки, —
«встроен» в пространство города. Был один Енисей, а теперь их
два, да еще и все сибирские реки! Во как!

Но и здесь картина узнаваема: в Саранске, столице Мордо-

вии, красноярский аллегорический речной поток в виде фонтана Сибирских рек представлен искусственным ручейком, олицетворяющим речку Саранку. Архитектурно-пространственное решение очень похоже на красноярское.

И водную гладь речушки Саранки, которая никакого значение в жизни города, кроме топонимического, давно не имеет, искусственно расширили запрудой! И еще одна Саранка – фонтан, – впадает в настоящую Саранку. «Вставили» речку в городское пространство!

Зачем японское яйцо к русской Пасхе?

В нескольких городах, что мы проезжали, раскинулись маленькие японские или китайские садики – подарки наших восточных и южных соседей! Все ими гордятся. Обязательно показывают гостям.

В Иркутске местные «духи города и земли иркутской» – Галина и Сергей Коробовы, известные в своем городе и в Сибири книгоиздатели историко-краеведческой литературы, – специально подвезли меня к городской малой архитектурной форме: подарку японского народа.

К слову, описание путешествия по иркутским городским артефактам и диковинкам, что они мне организовали, – отдельная история. Вам же настоятельно рекомендую изданную ими книгу «Иркутская земля: через годы, через расстояния...», которую и зачитать и засмотреть можно до дыр – настоящие «путеводные заметки» по иркутскому архипелагу.

Но вот мы на месте. Прямоугольный мраморный столб, можно сказать – стела – с вырезом наверху в форме яйца. А вот внизу то, что вырезали – яйцо.

Яйцо – большое, мраморное – лежит рядом на гранитном постаменте.

Пытаюсь, силюсь осмыслить концепцию, величие замысла и мастерство исполнения японских мастеров. Зачем заехали к сему «поштаменту»? Что я могу и должен здесь увидеть? В чем суть послания японского народа нам, россиянам? Не елицинская ли это загогулина от его японского друга Рю?.. Чем черт не шутит!?

– Михаил, видишь яйцо?

– ...?

– Народ его перед пасхой – красит!

Тульский Левша уж, почитай, два века как блоху английскую подковал (история та приключилась в царствование императора Александра Павловича, осмелюсь напомнить), а иркутяне в XXI веке – яйцо японское покрасили!

Какой он — общероссийский аршин?

Аршин — ментальный, антропологический!

Рассказывал в Москве олигархам о национальных особенностях русской жизни, о своем опыте и ощущении, возникшем после поездки на конгресс и по стране... И мне в ответ заметили: «Ездил тут по делам — в Комсомольск-на-Амуре. Так из гаражей не выходил... Три-четыре этажа. На первом машины ставят, выше — VIP-зона для приемов, еще один этаж — остаться переночевать, плюс подвал. И это гараж! Народ в гаражах отрывается!»

Если заметили, не написал про Новосибирск, Екатеринбург и Казань.

Про Новосибирск писать нечего — это наше прошлое, согласен с коллегой!

Екатеринбург, как и Питер, окружены Ленинградской и Свердловской областями. Еще что-то добавить? Видны параллели в сюжетах?

С нами ехали в поезде китайские, корейские, испанские, турецкие и словенский философы. На наш вопрос, где им больше всего понравилось, ответили, что в Казани, потом в Красноярске. Меньше всего — в Новосибирске. Это, что называется, телеграфно.

Велика Россия, а измерение одно: до сих пор страна по менталитету — деревенская! Ни индустриализация ее не взяла, ни ликвидация неграмотности, ни идеология!

Плохо все это или хорошо? Да ни то, и ни другое! Понимать это все просто надо. Принимать как есть и учитывать при планировании и реализации стратегий развития страны.

Поделился своими мыслями и наблюдениями с коллегами из Франции. Они назвали еще один показатель «чисто деревенского» менталитета — высокую скорость распространения слухов, заметив, что и Франция — тоже по своему деревня. Так что получается — не мы одни в мире такие «деревенские».

PS

Статья писалась долго, и у редакции свои планы и приоритеты. Доехали мы всей страной до «кризиса». И сегодня видно, что антропологический аршин свой правительство в мешке не утаит.

Еще в Корее во время банкета у мэра Сеула, сидя за одним столом с послом Анголы в ЮНЕСКО, философом по образованию и по призванию, господином Almerindo Jaka Jamba, в который раз задал свой вопрос: «Господин Альмериндо, зачем Анголе философия?»

— У нас война идет уже более 40 лет. Выросли и повзрослели поколения людей — дети, отцы и деды, — поколения, которые

ничего, кроме войны, не видели в жизни. Ничего другого они не представляют. Изменить и возродить страну без философии, без мировоззрения мы не сможем. Это наше правительство понимает. Поэтому я здесь — на конгрессе!

У нас в стране растут поколения людей, которые многого не видели, в отличие от старшего поколения (в Институте философии РАН сегодня всего 32 человека моложе 40 лет).

И нам — нашему обществу — надо ответить на самые простые вопросы. Зачем нам философия? И что с нашим духом — почему у нас не такая экономика, как, например, в Гонконге?

И пока мы на них не ответим, не надо задаваться вопросом: «Почему был «стабфонд» — да сплыл?!»

А чтобы на них ответить, мозги поменять надо. Или хотя бы мышление двухсотлетней давности, что зашито в страну как нерелексируемый архетип.

Через 17 лет после Великой Отечественной войны страна «полетела в космос». А мы куда с нашей экономической мыслью за последние 17 лет полетели?..

Тут, что называется, на днях, В. Путин во время встречи с народом (показывали по телевидению, восстанавливаю не дословно) разъяснил, что, «понимаете, еще никогда в мире не было такого кризиса — никто ничего сказать не может, даже на Западе».

Ну что тут скажешь! Да чего ж тут нового?

А если экономику менять на новую, то этого тоже никогда еще не было!

А где взять специалиста по созданию атомной бомбы, если ее еще никто в мире не делал?..

«Бабы каются, а девки замуж собираются!» — ой, не об этом же?

Тот же самый класс задач! И ситуации однопорядковые!

Управленческое мировоззрение менять надо с такого «как всегда» и «хотели как лучше», на то, каким оно должно быть в XXI веке, веке глобальных перемен. Или хотя бы на корейское.

Голословно? Нет, сугубо конкретно.

Корейцы мыслят сменой экономических укладов — а мы экономикой переходного периода. Чувствуете разницу?

Российское экономическое мышление за 17 лет реформ показало свою полную несостоятельность. Мировоззренческую. Примат экономики никуда страну не двигает.

Как и примат идеологии. Это тоже мировоззренческий тупик.

А что двигает? Все двигает человек, его антропологический аршин. Экзистенция и постав — его мечта и жизнь.